

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 3 МАРТА

Допрос подсудимого Крестинского*)

Допрос подсудимого Рыкова*)

Председательствующий Ульрих. Присутствующий Рыков, ваши показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Вышинский. Позвольте мне до допроса Крестинского задать несколько вопросов подсудимому Раковскому.

Председательствующий Ульрих. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Раковский, вы признали себя виновным в преступлениях, которые вам предъявлены?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Вы здесь слышали также ответ Крестинского, который на вопрос суда заявил, что он не троцкист и не совершал преступлений, в которых он признавался на предварительном следствии. Я хотел бы спросить у вас, как у одного из виднейших представителей и руководителей троцкистского подполья в СССР, что вы знаете о троцкистской деятельности Крестинского в последний период времени?

Раковский. Крестинский в доказательство того, что он отошел от троцкизма, заявил, что в конце 1927 года он послал письмо Троцкому, в котором отмежевывался от троцкистских позиций. Это письмо Крестинского мне известно. Троцкий давал мне его читать. И не только мне. Но для того, чтобы осветить смысл этого письма, я должен прежде всего указать на один факт.

Возвращаясь в Москву, за несколько недель до поездки Крестинским этого письма, накануне пленума ЦК перед XV Съездом, я оставил в 1927 году в Берлине, как всегда в подполье, где тогда работал Крестинский. Вместе со мной был Каменев. Он приехал из Рима и тоже отправился на пленум ЦК. Между мной, Каменевым и Крестинским, как между единомышленниками, происходили тогда в Берлине обмен мнениями. До этого времени со стороны Крестинского не было никаких признаков отхода от оппозиции. При встрече в Берлине мы вместе обсуждали, что следует предпринимать оппозиции на предстоящем пленуме. Крестинский оставался в Берлине. Он был того мнения, что нужно продолжать и дальше маневрировать.

Вышинский. То есть двуручничать?

Раковский. Тогда это слово не употреблялось.

Вышинский. А смысл?

Раковский. Смысл тот же.

Через некоторое время после этого, когда я уже был в Москве, Троцкий мне показал письмо Крестинского. Это было в первые числа декабря 1927 года.

Вышинский. Вы помните, что в этом письме было?

Раковский. Точное содержание я не помню, но общее впечатление было такое, что это маневр. Когда я прочел это письмо Крестинского, я сказал Троцкому: «Крестинский подготавливает то, что на языке юристов называется «алиби». Троцкий подтвердил это. Так впоследствии и случилось, ибо когда ЦК ВКП(б) обратился к поправкам, разделившим троцкистские взгляды, с вопросом, как они относятся к исключению руководителя оппозиции из партии, Крестинский написал в ЦК письмо и ссылался в нем на это свое «алиби».

Вышинский. Ссылаясь на письмо к Троцкому, как на доказательство разрыва с троцкизмом?

Раковский. Да, на это письмо, как на доказательство, что он отошел. Письмо Крестинского в ЦК было напечатано в газетах в 1928 году.

Вышинский. Следовательно, на мой вопрос — был ли в ноябре 1927 года и позже Крестинский троцкистом — как вы отвечаете?

Раковский. Да, Крестинский был троцкистом и с троцкизмом никогда не порывал.

Вышинский. Следовательно, как выражается сделанное здесь вчера заявление подсудимого Крестинского, что он не был троцкистом, по крайней мере с ноября 1927 года?

Раковский. Как не соответствующее действительности. Я обращаю, если позволит суд, к самому Крестинскому.

Председательствующий Ульрих. Пожалуйста.

Раковский (Крестинскому). Николай Николаевич, когда я был в ссылке, ты мне писал?

Крестинский. Да, через дочь, которая жила в Саратов, я писал.

Вышинский. Я спросил бы, подсудимый Раковский, сообщить, о чем вам писал в 1929 году, во время вашего пребывания в Саратове, в ссылке, обвиняемый Крестинский?

*) Сокращенная стенограмма.

Раковский. Крестинский в этом письме писал, чтобы я вернулся в партию, естественно, в целях продолжения троцкистской деятельности.

Вышинский. Значит, вы сейчас устанавливаете факт его связи с вами, хотя вы были ссыльным троцкистом?

Раковский. Да, и его желание, как и других троцкистов, сохранить троцкистские кадры, по возможности проникнуть в партию.

Вышинский. Значит, он уговаривал вас, чтобы вы, из тактических соображений, в интересах троцкистского дела, вернулись в партию?

Раковский. Так и понял.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, правильно ли вы понимаете содержание вашего письма подсудимому Раковскому?

Крестинский. Правильно.

Вышинский. Я прошу суд о следующем. По моему требованию сейчас были проверены документы, изъятые при обыске у Крестинского. Среди них имелась копия его письма Троцкому от 27 ноября 1927 года, того самого письма, на которое ссылался вчера Крестинский и о котором говорит Раковский.

Я прошу разрешить мне предъявить Раковскому и Крестинскому эту копию письма и спросить их, об этом ли письме Троцкому оба они говорят.

(Копия письма от 27 ноября 1927 года предъявляется Крестинскому, затем Раковскому.)

Крестинский. Это то самое письмо.

Вышинский. Прошу предъявить копию письма обвиняемому Раковскому.

Раковский (читая письмо). Да, насколько я могу помнить, это есть то самое письмо.

Вышинский. Прошу разрешить предъявить Раковскому выдержку из газеты «Экономическая жизнь» от восьмого апреля 1928 года, где написано: «выдержка из письма Крестинского от 22 марта 1928 года». Не это ли он имел в виду, когда говорил о письме Крестинского в ЦК, посланном уже после его письма к Троцкому?

Раковский. Да, об этом.

Вышинский. Значит, все факты установлены. Подсудимый Раковский, не помните ли вы следующего места из личного письма Крестинского Троцкому, как оно отражено в копии. Крестинский пишет: «По моему глубокому убеждению, тактика оппозиции за последние полгода была глубоко ошибочной, вредной для целей самой оппозиции, можно сказать, трагически неправильной». Можно ли из этого абзаца сделать заключение, что здесь содержится какое-либо осуждение троцкизма?

Раковский. Нет. Крестинский рассуждает, как человек, находящийся в троцкистской организации. Он исходит из троцкистских предпосылок. Он говорит в интересах троцкистской организации, троцкистских целей.

Вышинский (обращаясь к Крестинскому). Вы высказались подробно об отношении Раковского к так называемому отходу от оппозиции. Скажите ли вы эти об отношении Раковского к троцкизму?

Крестинский. То, что он говорит, правильно.

Вышинский. Если верно то, что говорил здесь Раковский, то будете ли вы продолжать обманывать суд и отрицать правильность данных вами на предварительном следствии показаний?

Крестинский. Свои показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю.

Вышинский. Что означает в таком случае ваше вчерашнее заявление, которое шелось иначе рассматривать, как троцкистскую провокацию на процессе?

Крестинский. Вчера, под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скандала подсудимых и тяжелым впечатлением от оглашения обвинительного акта, усугубленного моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен. И вместо того, чтобы сказать — да, я виновен, я почти машинально ответил — нет, не виновен.

Вышинский. Машинально?

Крестинский. Я не в силах был пережить лимит мирового общественного мнения сказать правду, что я вел все время троцкистскую борьбу против советской власти.

Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем тяжчайшим обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершение мною измены и предательства.

Вышинский. У меня больше вопросов к подсудимому Крестинскому пока нет.

*) Сокращенная стенограмма.

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Рыков, ваши показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Рыков. Да, подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Рыков, скажите, когда началась ваша подпольная заговорщическая деятельность против советского правительства?

Рыков. По существу дела она началась в 1928 году. Я боролся активно против всей политики партии и советского правительства и главным образом против политики партии в отношении крестьянства. Эта деятельность выразилась в моих, что называется, летальных выступлениях. Нелегальная организация в этот период использовала летальные возможности.

Вышинский. Какое у вас было отношение с Ягодой в 1928—29 гг.?

Рыков. В отношениях с Ягодой все было нелегально. У нас уже в этот период существовали кадры, которые были специально законспирированы в целях организации дальнейшей борьбы с партией. К этим людям, в частности, принадлежал Ягода, с которым я был в этот период в тесном личном, от которого я получал и специально подобранную форму, которую я использовал для своих выступлений против политики партии в деревне. Когда в дальнейшем на заседании Политбюро было вскрыто сочувствие Ягоды нам по вопросу о чрезвычайных мерах в хлебозаготовках по отношению к кулачеству, он после короткого времени осуществил маневр двуручничества: заявил себя сторонником партии, на самом деле оставаясь членом нашей контрреволюционной организации. Причем сделал это было не только с моего ведома, а, насколько помню, и по моему совету.

Вышинский. Было ли у вас с Ягодой соглашение о том, что члены вашей подпольной организации им не будут репрессированы?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Было ли с Ягодой соглашение о том, что он будет оберегать подпольную организацию правых, используя свое служебное положение?

Рыков. Да.

Вышинский. Подсудимый Ягода, вы подтверждаете эту часть показаний Рыкова?

Ягода. Факт подтверждаю.

Вышинский. Следовательно, вы совершили прямую государственную измену?

Ягода. Да.

Вышинский. Продолжайте, подсудимый Рыков.

Рыков. В этот период так называемой открытой борьбы, наряду с легальной, открытой борьбой, сразу стал складываться и нелегальный центр правых в составе меня, Бухарина и Томского. Руководство борьбой было в наших руках. Этот центр удерживался и продолжал свою контрреволюционную работу до последнего времени.

Нелегальная работа заключалась в том, что такие же группы в тот период с 1928 по 1930 год стали создаваться на территории Союза. Таким образом деятельность по созданию нелегального центра организации в тот момент, с 1928 по 1930 год, прошла и не могла не пройти по всему Союзу. Главными составными частями того, что вошло в состав контрреволюционной организации в Москве, был Томский со своими профессионалистами, Бухарин со своими связями, в частности со своими учениками, с его «школой», потом я с целым рядом своих сторонников, затем Угланов с группой своих сторонников из москвичей. Это сразу составило организацию правых. До 1930 года шла накопление этой организации.

В этих же целях, в целях борьбы с партией мы использовали профсоюзный съезд. Почти все 93 человека, которые голосовали за Томского и против партии на профсоюзном съезде, вошли в нашу контрреволюционную организацию.

Когда на пленумах, конференциях и съездах партии позиция правых подверглась систематическому разоблачению, было совершенно ясно, что удержаться на легальной позиции было невозможно. Тогда началась серия заявлений об отказе от правых действий. Все эти заявления были обманом партии. Из центра, куда и я входил, давались непосредственные директивы о том, чтобы такие заявления подавать.

Несколько позднее, одним из последних, подав заявление об отказе от защиты платформ правых и я вместе с Бухариным и Томским. Этим заявлением мы хотели обмануть партию. После того, как было вынесено решение съезда партии о несовместимости взглядов правых с принадлежностью к партии, мы перешли полностью на нелегальность.

Вышинский. Меня интересует период 1928—29 гг. В это время у вас действовал руководящий центр?

Рыков. Да, правда, с самого начала.

Вышинский. В лице кого?

Рыков. В лице моем, Бухарина и Томского.

Вышинский. Перейдем к дальнейшему периоду.

Рыков. Следующий период — 1930—33 гг. Это тот период, когда формировались наиболее преступные методы работы и цели, которые поставила себе контрреволюционная организация. Я должен здесь остановиться, было бы неправильно сказать, что в период 1928—30 гг. никто из правых не говорил о применении таких методов, как террор.

Вышинский. Были такие?

Рыков. Конечно, в этот период отдельные лица уже выставляли требования о применении этих методов. Но это были предложения, а не действия. Кроме меня на первом собрании присутствовали Бухарин и Томский и целый ряд лиц, в числе которых были Василий Шmidt и Угланов. Платформа называлась рютинской потому, что она была задана сторонниками правых, группой Рютин, из московской организации Угланова.

Эта группа при производстве следствия по поводу этой платформы приняла всю ответственность на себя. Это было сделано с заранее обдуманным намерением, чтобы нам самим не быть привлеченным к ответственности за эту платформу. Благодаря тому, что Ягода был во главе ОГПУ, нам удалось это сделать.

Вышинский. Уже тогда, следовательно, элементы терроризма имели место в вашей деятельности?

Рыков. Платформа признавала, насколько я помню, а я помню, либо принимал участие в редактировании, напечатанные методы изменения руководства партией в стране — террор, востановление. Вторая формулировка — это объединение тех сил, тех организаций, которые борются с партией и правительством СССР. Эти два тезиса являлись основными и определяющими в рютинской платформе и вместе с тем для всего последующего периода. Наша контрреволюционная работа за этот период стремилась опереться и оперлась до некоторой степени на те силы контрреволюции, которые в это время активизировались. И именно ввиду кулацких выступлений, кулацких востановлений, кулацких саботажей, который в то время был довольно широко развит.

*) Сокращенная стенограмма.

Рыков. Следующий период — 1930—33 гг. Это тот период, когда формировались наиболее преступные методы работы и цели, которые поставила себе контрреволюционная организация. Я должен здесь остановиться, было бы неправильно сказать, что в период 1928—30 гг. никто из правых не говорил о применении таких методов, как террор.

Вышинский. Были такие?

Рыков. Конечно, в этот период отдельные лица уже выставляли требования о применении этих методов. Но это были предложения, а не действия. Кроме меня на первом собрании присутствовали Бухарин и Томский и целый ряд лиц, в числе которых были Василий Шmidt и Угланов. Платформа называлась рютинской потому, что она была задана сторонниками правых, группой Рютин, из московской организации Угланова.

Эта группа при производстве следствия по поводу этой платформы приняла всю ответственность на себя. Это было сделано с заранее обдуманным намерением, чтобы нам самим не быть привлеченным к ответственности за эту платформу. Благодаря тому, что Ягода был во главе ОГПУ, нам удалось это сделать.

Вышинский. Уже тогда, следовательно, элементы терроризма имели место в вашей деятельности?

Рыков. Платформа признавала, насколько я помню, а я помню, либо принимал участие в редактировании, напечатанные методы изменения руководства партией в стране — террор, востановление. Вторая формулировка — это объединение тех сил, тех организаций, которые борются с партией и правительством СССР. Эти два тезиса являлись основными и определяющими в рютинской платформе и вместе с тем для всего последующего периода. Наша контрреволюционная работа за этот период стремилась опереться и оперлась до некоторой степени на те силы контрреволюции, которые в это время активизировались. И именно ввиду кулацких выступлений, кулацких востановлений, кулацких саботажей, который в то время был довольно широко развит.

Центр правых обращал на Северный Кавказ особое внимание, в связи с большим удельным весом казачества и законного преставления.

Туда в 1932 году ездил специально Эйсмонт в целях организации нашего участия в кулацком движении. Эйсмонт поехал туда с моего ведома и после предельного разговора со мной. С ведома и по инициативе Бухарина туда с целью были посланы Сешенов.

Вышинский. Что вы скажете, подсудимый Бухарин?

Бухарин. Я подтверждаю все, что говорил здесь до сих пор Рыков.

Отвечая на вопросы прокурора, Рыков далее сообщает о контрреволюционной работе правых, которая проводилась в Сибири. Он заявил, что знает от Бухарина о том, что Яковенко в Сибири осуществлял такую же работу, какая велась на Северном Кавказе, т. е. он стремился поднять кулацкие активные выступления. Он неоднократно виделся с Бухариным и разговаривал с ним. Конечно, Бухарин давал ему указания, директивы, пропагандировал его.

Вышинский (обращаясь к суду). Позвольте Бухарину спросить от этой части. Подсудимый Рыков правильно осветил факт послышки Яковенко в Омск для организации кулацкого востановления?

Бухарин. Правильно. Яковенко встретил меня случайно в Серебряном бору. Он сказал, что есть достаточно силы для того, чтобы поднять востановление. Я ему согласился сначала не дал, сказал, что посетуюсь со своими единомышленниками. Этот вопрос я поставил формально на обсуждение центра.

Вышинский. В 1932 году?

Бухарин. Да. Они выражали недовольство, что я сразу не ответил Яковенко позитивно. После состоявшегося решения я об этом сказал Яковенко, не давая в деталях технической стороны, что центр стоит за то, чтобы движение разжечь и поднять востановление.

Вышинский. И он поехал?

Бухарин. Да, он поехал.

Вышинский. И что же, были там в Сибири кулацкие выступления?

Бухарин. Да, выступления были.

Вышинский. В 1932 году вы стали на путь прямой государственной измены. Правильно это или нет?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский (обращаясь к Рыкову). Это, подсудимый Рыков, вам также было известно? Это с вашего ведома делалось?

Рыков. Конечно. В связи с Северным Кавказом в смысле преступности есть еще один момент, это — линии аэровосланий, которую перед этим мы обсуждали специально в связи с кулацкими востановлениями. Связь с аэрами на основе совместных антисоветских выступлений кула-

чества, как сообщил мне Эйсмонт, была осуществлена на практике на Северном Кавказе.

В этот же период оформились взгляды правых и по вопросу о терроре. Нарастание террористических настроений началось еще до 1930 года, насколько мне известно. Приблизительно в 1932 году оформилось наше положительное отношение к применению террора, как метода борьбы за власть, причем это нашло свое выражение и на практике. Создался целый ряд террористических групп. Я лично давал целый ряд террористических директив, кроме людей, близких мне, как Нестеров, Ратин, целому ряду других. Я передавал эти директивы и национальные организации. Говорил по вопросу о терроре с участниками пан-тюркской и белорусской националистической организации. И скоро террористические установились с соответствующими выводами были широко приняты. У меня, кроме этих разговоров, по этому поводу были и другие. Нестеров затем сообщил, что на Урале в Свердловске была, по моим указаниям, создана организация.

В последнее время, в 1935 году я имел разговор террористического характера с Котовым, руководившим членом московской организации правых. Приблизительно в 1934 году я дал указания своей бывшей секретарше Артемьевой о наблюдении за прохождением правительственных машин.

В этот же период по вопросу о терроре была установлена связь с аэром Семеновым через Бухарина. Я лично Семенова знал. Бухарин сказал, что через Семенова он готовит покушение на Сталина. Потом мы, насколько помню, обсуждали вопрос о связи с аэрами по этой линии, и связь эта была установлена через Бухарина, который имел наиболее прочные связи. Я имел разговор такого же террористического характера и с Белобородовым при поездке на курорт на Северный Кавказ. Это было приблизительно в 1934 году.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, вы это подтверждаете?

Бухарин. В основном подтверждаю.

Вышинский. Вы тогда знали от Семенова, что готовился покушение на товарища Сталина и Катановича?

Бухарин. Нет, Рыков не точно передает. Тут дело обстоит так. Семенов сообщил: у него есть связи с различными аэрами, террористическими группами, и так как он знает о настроениях среди правых контрреволюционных организаций по линии террора, то он предлагает использовать эти связи.

Вышинский. Для чего?

Бухарин. Для террористической работы против руководства партии, в том числе Сталина и Катановича.

Вышинский. Позвольте мне констатировать, что у вас, у Бухарина, как члена центра правой подпольной организации, была подпольная конспиративная связь с аэром Семеновым, который вместе с вами подготовил организацию покушения на товарища Сталина и других членов Политбюро, причем эта подготовка террористических актов шла с ведома и одобрения центра правых, в том числе Томского и Рыкова.

Бухарин. Да.

Вышинский. Перейдем к подсудимому Рыкову. Мы разобрали часть ваших преступлений. Закончили мы примерно 1933 годом.

Рыков. Конец этого периода совпадает с ликвидацией кулачества. В связи с этим правые потеряли свою последнюю социальную базу — кулачество. И последующий период характеризуется созданием исключительно заговорщического типа организаций и применением самых острейших методов борьбы против партии и правительства. Сюда, в частности, относятся одна из попыток, которая была сделана, это подготовка «дворцового переворота». Этот вопрос встал в 1933 году. Оперой для осуществления этого контрреволюционного плана явился Енукидзе, который вступил в качестве активного члена в организацию правых в 1933 году. Большую роль играл Ягода, который возглавлял ОГПУ.

Стал вопрос, как согласовать силы контрреволюции для осуществления «дворцового переворота». Был создан центр для этой задачи с привлечением туда троцкистов и зинovieвцев: Каменева, Пятакова, затем Енукидзе; туда вошли также я, Бухарин и Томский. Мы должны были скоординировать все силы вокруг этого центра. Причем, с этим центром была связана военная группа Тухачевского и группа Ягоды.

В 1934 году уже обсуждалась возможность тактического использования этой организации в связи с предстоящим семнадцатым партсъездом. Я не помню точно, но указанию ли Томского или, может быть, по указанию Енукидзе, был поставлен вопрос, чтобы осуществить этот переворот во время съезда партии, когда соберутся все ответственные работники, и одновременно с виднейшими членами правительства можно будет подвергнуть аресту тех виднейших работников Республики и областей, которые могли бы сопротивляться перевороту. Но этот план был отвергнут. Сплоченность партии, популярность правительства, отсутствие ка-

кого-нибудь недовольства в стране, конечно, делали такого рода попытки совершенно авантюристскими, совершенно невыполнимыми и это послужило причиной отвержения этого плана.

Далее Рыков показывает, что в 1933 году центр «право-троцкистского блока» уже имел прочную связь с германскими фашистами и заключил с ними соглашение. Фашисты требовали от контрреволюционного центра «выделения» из СССР крупнейших национальных республик.

Вышинский. Что это значит по существу?

Рыков. Это означает то, что от СССР отходят крупнейшие национальные республики. Из национальных республик они пытаются сделать смежные с ними территории, которые сделают своими вассалами, и тем самым получат возможность нападения на оставшуюся часть Союза. Они приближаются, таким образом, к сердцу СССР, им облегчается возможность ведения с их стороны победоносной войны с СССР.

Вышинский. Следовательно это — расчленение СССР, отторжение от него ряда республик?

Рыков. Да.

Вышинский. Правильно или неправильно будет сказать, что в период 1932—33 года организовалась группа, которую можно назвать право-троцкистским антисоветским блоком?

Рыков. Фактически он был. Организационно он с 1933—34 года выражался в так называемом контактном центре.

Вышинский. Причем этот блок поставил своей задачей... как вы формулируете?

Рыков. Поставил своей задачей насильственное свержение советского строя, путем замены и путем соглашения с фашистскими силами за границей.

Вышинский. На каких условиях?

Рыков. На условиях расчленения СССР, отторжения национальных республик.

Вышинский. Этот блок состоял, вы говорили, из правых. Далее кто в него входил?

Рыков. Правые, троцкисты и зинovieвцы.

Вышинский. Входили ли аэры?

Рыков. По отдельным вопросам.

Вышинский. Входили также меньшевики, через которых вы были связаны с Николаевским и с Даном за границей?